

УДК 1/14

DOI: 10.34670/AR.2021.73.59.024

Лакуны: философия языковой культуры

Кабылова Айна Сагатбековна

Доктор философских наук, профессор,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
010000, Республика Казахстан, Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2;
e-mail: kabyl72@mail.ru

Рысбек Айдана Талғатқызы

Студент,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: kabyl72@mail.ru

Аннотация

Данное исследование посвящено выявлению и специфике лакун. Источником лакун являются смысловые различия, выявляемые в ходе коммуникации представителей различных культур, картин мира, мировоззрений, ценностей. Лакуны являются сопутствующим фактором процесса культурной идентификации и ее обратной стороной. Анализируя национально-культурную семантику языковых единиц, можно получить информацию об истории развития этноса, об обычаях, традициях, взглядах, вкусах и менталитете, свойственных представителям данного языкового сообщества. Опыт обучения русскому языку показывает то, что легче всего усваивается лексика, совпадающая в объеме значений с лексикой родного языка. Однако в связи с этим ученики сталкиваются с такой проблемой, как многозначность слов, омонимия, синонимия, полисемия, социокультурные различия. При изучении данной темы нельзя не упомянуть социокультурные факторы, которые порождают за собой лакуны, которые и приводят к неточностям при изучении языка народа с другой картиной мира. Лакуны являются единицами, отражающими национально-культурное своеобразие определенного народа. Они аккумулируют в себе его этнические особенности, порой непривычные представителям другого народа, что может быть отражено в языке.

Для цитирования в научных исследованиях

Кабылова А.С., Рысбек А.Т. Лакуны: философия языковой культуры // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 4А. С. 164-175. DOI: 10.34670/AR.2021.73.59.024

Ключевые слова

Лакуна, контакт языков, казахские традиции, русский язык, дифференциации наименований, семантические различия.

Введение

Лакуна (от лат. *lacuna* – углубление, впадина, пустота) – национально-специфический элемент культуры и отражается в языке и речи носителей этой культуры, который либо полностью не понимается, либо недопонимается носителями иной лингвокультуры в процессе коммуникации. «Теория лакун, существующая в российской и германской психолингвистике, рассматривает специфические для конкретных лингвокультурных общностей лакуны. В Западной Европе и в США теория лакун используется в социологических исследованиях, а также в исследованиях по маркетингу, рекламе и кросс-культурному менеджменту» [Эртельт-Фит, 2007].

«Каждая культура имеет свою языковую систему, с помощью которой ее носители общаются друг с другом. К основным формам языкового общения, (к вербальным средствам коммуникации) относится, прежде всего, человеческая речь, благодаря которой из поколения в поколение передается жизненно важная информация, закрепленная в языке» [Байгут, 2014]. Отличительной чертой казахов как народа является их отношение к семейным ценностям, тесных семейных взаимоотношениях, что приводит к большей дифференциации наименований родственных связей.

Основная часть

Как пример можно привести понятия «той» и «свадьба», которые, казалось бы, не должны вызывать затруднения, так как являются эквивалентами, однако это не совсем так. У многих казахов может возникнуть вопрос: о какой именно свадьбе идет речь: о свадьбе в доме жениха (келін түсіру той, беташар той, келіншек (келін) той) или же о свадьбе в доме невесты (қыз той, қыз узату той)? Как мы понимаем именно этот смысл никак не входит в русское слово «свадьба» и может порождать лексическую интерференцию у билингвы.

Русскоговорящие вместе с наименованием родственника часто использует их имена, что не допустимо в казахской культуре. Это является одной из причин такого большего количества наименований. Они передают информацию не только о родстве, но и о возрасте и поле, так как эти критерии очень важны для определения статуса в семье. Сравним, например, у русских – муж сестры (старшей или младшей) – «зять», а у казахов муж младшей сестры – это «куйеу бала», а муж старшей сестры – «жезде». У русского народа сестру жены называют «свояченица», а брата жены – «шурин». У казахского этноса термин «балдыз» служит для обозначения младших братьев и сестер жены. Обращаясь же к старшему брату и старшей сестре жены, употребляют слова «қайын аға» и «қайынбике».

Как говорилось, казахский язык уделяет особенное внимание возрасту и полу. Например, в казахском целых два слова для обозначения младшей сестры – «сіңлім» и «қарындас». Разница в том, что первое наименование используется со стороны сестры, второе со стороны брата. В связи с этим мы сталкиваемся с лакуной в русском языке, так как в нем мы находим единственное наименование «сестра».

Однако русский язык в каких-то случаях обращает большее внимание на уточнение половой принадлежности. Это мы видим в таких примерах как «внук-внучка», «правнук-правнучка». В казахском же языке «немере», «шөбере» используются одинаково для обоих полов.

Отличительным для казахского является понятие «кіндік шеше». Название напрямую связано с традицией, по которой близкая к семье женщина, чаще всего мудрая бабушка,

разрезает пуповину только появившемуся на свет ребенку. Именно эта женщина удостоивается этого наименования и считается второй матерью ребенка. Мы находим в русском языке термин со схожей семантикой «кума» (крестная мать), однако они не являются эквивалентами и связаны с совершенно разными традициями. Крестные родители принимают ребенка из купели при крещении. Они тоже считались вторыми родителями ребенка и чаще всего были уважаемыми и состоятельными. С этого следует, что упомянутые понятия можно отнести к лакунам для языков.

Социокультурные различия так же заключаются в том, слова, которые являются эквивалентами в двух языках, могут восприниматься совершенно по-разному, то есть иметь разную коннотацию. Например, слово «күн-солнце», которое в обоих языках воспринимается как источник света и тепла. Однако мы находим незначительные различия: в русском языке солнце воспринимается скорее, как источник и начало жизни, и некоторые расхождения: если для русских солнце – основа и источник жизни, а в казахском «күн» представляет саму жизнь. Мы можем это наблюдать во фразах «күн көру – жить», «күн көрсетпеу – не давать житья». В казахском языке солнце воспринимается как нечто могущественное и сильное, в связи с чем редко используется в разговорной речи. Однако в русском языке слово «солнце» проявляется нередко, в особенности в обращении к дорогому человеку. Сталкиваемся и с уменьшительно-ласкательной формой «солнышко». В казахском языке такая форма образуется со значением притяжательности. Однако казахское «күнім» никак не связано с самим солнцем и скорее всего значит «моя жизнь».

В казахском языке мы находим и отрицательное значение данного слова. Это прослеживается в выражениях «күн жеді – солнце съело (припекло)» или «күн туу – быть постигнутым горем». К тому же всем казахам с детства знакома фраза «басынын күн өтті», которую используют по отношению к заболевшему ребенку, если тот долго гулял на улице. Подобное восприятие связано с достаточно суровым климатом в некоторых регионах Казахстана и с тем, что люди, проживающие именно на юге страны, чаще всего вынуждены находиться на улице, несмотря на знойное лето.

Исследование коннотативной семантики слова в межъязыковом плане представляется интересным и сложным: при сопоставлении сопрягаются разнообразные смысловые, оценочные, психологические, культурологические, эстетические факторы, своеобразно преломляющиеся в слове национального языка. Такое исследование крайне необходимо для понимания не только природы национального языка, но и важнейших черт мировоззрения его носителя – народа.

Таким образом, лакуны являются единицами, отражающими национально-культурное своеобразие определенного народа. Они аккумулируют в себе его этнические особенности, порой непривычные представителям другого народа, что может быть отражено в языке.

Ранее мы расписали причины и наиболее частые случаи возникновения лексической интерференции в русской речи казахов. Однако, для наиболее точного исследования, мы решили провести тестирование, которое бы помогло выявить наиболее распространенные ошибки. Для прохождения проверки были выбраны 29 учеников 9 класса школы с казахским языком обучения. Перед учащимися стояла задача в выполнении двух заданий, сутью которых было выявление нормативных для русского языка словосочетаний и перевод нескольких предложений. Для их выполнения каждому ученику было выделено 20 минут.

Допущенные ошибки подтвердили наши ожидания и были вполне соотносимы с результатами исследования. Больше всего проблем возникло с глаголами и прилагательными.

Среди отрицательного языкового материала можно выделить:

- *бить железо
- *бить дрова
- *открытая рука
- *язык часов
- *бледная материя
- *край аула
- *твердый голос
- *идти на коне
- *разделить внимание
- *читать уроки

Эти словосочетания были восприняты большинством школьников как нормативные. Это связано с существующими соответствиями в казахском языке. С остальными словосочетаниями практически все ученики справились хорошо.

Больше трудностей возникло при выполнении второго задания, в условиях которого были даны несколько предложений на перевод с родного языка на русский.

Мы специально выбрали лексику, которая ожидаемо вызовет трудности у проверяемых. Так и получилось: ученики допустили ошибки во всех предложениях из этого задания. Рассмотрим некоторые из них.

Весьма сложным для учеников представилось определение времени на русском языке. Предложения «Сағат екі жарым» (время пол третьего), «Сағат екіден бес кетті» (время пять минут третьего) были неправильно переведены практически всеми учениками. Какими бы обыденными не казались фразы, ошибки вполне оправданы, так как в русском и казахском для обозначения одного и того же времени используются разные числа. Это и запутало учеников, которые привыкли к казахской системе.

Незначительные семантические различия между эквивалентами казахского глагола «сындыру» («разбить», «сломать») в предложении «Ол шөлмекті сындырып алды» вызвало у 9 учеников ошибки. У них мы находим «Он сломал бутылку» вместо нормативного «разбил».

Самым простым и одинаково сложным для учеников оказалось предложение «Сот оны кінәлі деп тапты». Ожидалось, что может возникнуть вариант «Суд нашел его виновным» вместо «признал», так как это наиболее распространенная семантика данного слова. Однако все ученики справились с этой задачей. Сложности же были связаны со словом «виновный», так как половина учеников воспользовались его паронимом «виноватый».

Наибольшее число ошибок обнаружено в переводе предложения «Өзенде мұз ағып жатыр». 16 учеников решили, что правильно будет сказать: «По реке течет(плывет) лед», а у 9 перевод совсем отсутствует. Кроме того, большинство были удивлены, услышав правильный вариант «По реке идет лед».

Не меньше проблем вышло с подбором прилагательных, а именно в предложении «Бұл баланың денсаулығы күшті». Из 29 испытуемых 12 дали правильный перевод – «У этого мальчика крепкое здоровье». Остальные же попытались заменить слово «крепкое», на «сильное», «твердое» и «здоровое», так как это наиболее частые соответствия в русском языке для лексемы «күшті».

Еще одно предложение с экспериментальным прилагательным «Ауылда суық хабар тез тарады», что в переводе выглядит как «Тревожная весть быстро распространилась по аулу», многие ученики перевели с эквивалентом слова «суық» – «холодный». Были варианты и со

словом «суровый». Однако больше трудностей возникло с предложением «Айнала ашық дала». В работах учащихся мы нашли перевод «Вокруг открытая степь», вместе правильного «голая».

Проведенное тестирование ярко продемонстрировало слабые стороны казахоговорящих при изучении русского языка. Стоит отметить, что были выбраны весьма грамотные ученики, которые знают язык на свободном уровне. Результаты в лишний раз доказали, что практически невозможно не столкнуться с явлением интерференции при смешивании в сознании двух совершенно разных языков. Мы бы посоветовали чаще использовать язык на практике, прибегать к проверенным источникам, чтобы свести это явление к минимуму.

Классификация лексических единиц

Опыт обучения русскому языку показывает то, что легче всего усваивается лексика, совпадающая в объеме значений с лексикой родного языка. Однако в связи с этим ученики сталкиваются с такой проблемой, как:

- многозначность слов
- синонимия
- полисемия
- структурные различия
- социокультурные различия

Самой сложной и весомой причиной возникновения лексической интерференции является полисемия, которая достаточно тяжело воспринимаются не носителями языка. Одному значению, которое в родном языке может выражаться лишь одним словом в родном языке, может найтись несколько значений в изучаемом.

Рассмотрим комбинаторные возможности глагола читать и его эквивалента в казахском языке оқу.

1. читать книгу 1. кітап оқу
2. читать вслух 2. дауыстап оқу
3. читать лекции 3. лекция оқу
4. читать нотации 4. нотация оқу
5. читать наставления 5. ақыл айту
6. читать чьи-либо мысли 6. біреудің ойын білу
7. *читать учебу 7. оқу оқу
8. *читать уроки 8. сабақ оқу

Из восьми словосочетаний нормативными для русского языка являются только шесть, причем абсолютные эквиваленты четырех из них нормативны также и для казахского языка [Леонтьев, 2010, 75-76]. Поэтому ученик с легкостью может усвоить значения первых четырех словосочетаний. Если говорить о 5-6 примерах, то можем сделать выводы, что билингв не будет признавать их правильными, так как опоры в родном языке нет, а все возможные сочетания со словом «читать» ему неизвестны. Из этого следует, что правильному усвоению лексики препятствует упомянутая русско-казахская полисемия: «читать» в казахском имеет соответствия «айту» и «білу».

Дальше, под цифрами 7-8, мы можем увидеть отрицательный языковой материал, то есть грамматически неверные употребления. Казахоговорящий не посчитает эти словосочетания неверными, исходя из собственного языка. Тут мы снова сталкиваемся с полисемией, которая проявляется в том, что глаголу «оқу» в русском языке соответствует не только «читать», но и «проходить» и «учить».

Подобные ошибки могут проявляться и в обратную сторону, когда одному слову в казахском языке соответствует несколько в русском. Например, глагол «жуу» на русский язык переводится как «мыть» и «стирать», или же проводить, «приносить», «привозить» и «пригнать», которым в казахском языке эквивалентным является только одна лексема «әкелу».

К подобным ошибкам приводит то, что билингв считает отрицательный языковой материал нормативным, так как он является таковым в родном языке.

1. *бить железо (ковать железо) 1. темір соғу
2. *порвать руку (порвать связь) 2. қол үзу
3. *язык часов (стрелка часов) 3. сағат тілі
4. *толстый голос (низкий голос) 4. жуан дауыс

В представленных примерах мы видим ту же самую закономерность. Примеры на казахском языке являются вполне распространенными и могут переноситься в русскую речь как отрицательный языковой материал.

Казалось, что представленные ошибки могут быть легко устранены по средствам практики, так как не являются столь сложными в понимании, но существуют глаголы, которые непонятны билингвам даже спустя годы практики. К примеру, проблемный казахский глагол «қою», которому в русском языке соответствуют «поставить» и «положить». В русском языке каждый из приведенных выше глаголов имеет строго определенный круг сочетаемости, а казахское «қою» соответствует им во всех значениях и не имеет комбинаторных ограничений, присущих русским глаголом.

«Сен кітапты қайда қойдың?» — «Куда ты положил книгу?». Вполне возможно, что учащийся так и построит предложение, но существует и второй вариант неверного перевода «*Куда ты поставил книгу?». Даже если билингву знакомы значения глаголов, он не способен правильно подобрать к ним сочетания.

По этому поводу профессор М.М. Копыленко писал, что лексическая интерференция состоит в том, что отдельным значениям в казахском языке соответствуют разные эквиваленты в русском. Как пример он приводит полисемию, возникающую в казахском слове кету, которому в русском языке соответствуют слова «идти» и «ехать». Отсюда в речи школьника становится возможным предложение «Он ушел в Москву», вместо «уехал». На примере этого слова ученый нам показывает, что носитель казахского языка сталкивается с проблемой усвоения всего богатства семантики этого многозначного русского глагола «идти». Даже будучи знакомым с наиболее распространенными значениями этого слова, ученику может быть неизвестна его редкая семантика. Так, например, слово идти может использоваться не только в значении кету, как в казахском языке, но и иметь значение подходить («Тебе идет это платье»), то есть «жарасу» в казахском. К типичной ошибке, связанной с лексической интерференцией, М.М. Копыленко относит и использование словосочетания большой брат вместо старший, что в казахском звучит как «үлкен аға». Или же ученик может совсем не понять смысл словосочетания старший брат. В казахском языке этот смысл передается одним словом «аға». В соответствии с чем, младший брат на казахском звучит как «іні» [Копыленко, 1980, 78].

По мнению М.М. Копыленко: «к числу ИФ относится как межъязыковая полисемия, так и межъязыковая омонимия, например, «пол» (в доме) — «еден», «половина» — «жарты», мужской, женский «пол» — жыныс, порода биол. — «тұқым». Соответствуют в казахском языке благодарить — «рахмет айту», «алғыс айту». Однако между омонимами отсутствуют какие-либо семантические связи, и это, как нам представляется, устраняет возможность интерференции.

Трудно представить, чтобы казах-билингв, пусть в слабой степени владеющий русским языком, воспринял сочетание «настлать пол в доме» в том смысле, что речь идет о половине дома или сочетание «горная порода» как определение породы скота. Что же касается соответствий «жыныс – пол» (мужской, женский) и «жыныс – порода» («тау жынысы – «горная порода»), то это типичное явление казахско-русской полисемии.

Серьезные ошибки в построении речи могут вызываться подбором синонимов. Одно слово на родном языке может иметь несколько значений в изучаемом. К примеру, прилагательное «ауыр» имеет в русском языке значения «сложный» и «тяжелый». В этой связи ученик может перевести словосочетание «ауыр кітап» как «сложная книга», вместо «тяжелая книга».

Подобные сложности могут возникнуть со словом «қатты», которое на русском языке передается двумя словами «жесткий и твердый». Ученик фразу «қатты шаш», что значит «жесткие волосы», вполне может перевести как «твердые волосы».

Так же стоит понимать, что использование тех или иных слов неправильно можно ожидать в зависимости от ситуации. Так, например, предложение «Дүкенге көптеген жаңа кітаптар түсті». – «В магазин поступило много новых книг».

Билингв с большой вероятностью переведет предложение верно и не заменит прилагательное «новый» его синонимом «свежий» («свежих книг»).

Иная же ситуация с предложением «Мен жаңа газеттерді қарап шықтым». – «Я посмотрел свежие газеты».

В связи с тем, что прилагательное «новый» используется в речи чаще, чем «свежий», для казахоговорящего становится возможным использование «*новые газеты», так как это первое соответствие, которое приходит в голову к слову «жаңа».

Причиной возникновения интерференции также могут стать структурные различия в казахском и русском языках. К примеру, одному слову в русском языке может соответствовать словосочетание в родном казахском. Так словосочетание «барып келу» переводится не как «пойти и прийти», что в первую очередь может прийти в голову ученику, а простым словом «сходить».

Может наблюдаться и обратная ситуация, когда слово на родном языке переводится словосочетанием на русский. Например, «чувствовать себя одиноким» на казахском звучит как «жалғызсырау». Не столь значительным является соотношение сложных и простых слов, но все же влияние на речь казахов оно тоже имеет. Сложное слово самолет в казахском языке имеет совершенно другую простую форму «ұшақ». А если наоборот, простое слово «мороженое» на казахский переводится как «балмұздақ», то есть имеет сложную форму. Из перечисленного наибольшую трудность представляют русские универбы, то есть слова, которым в казахском языке соответствуют целые словосочетания. Г.Г. Еркибаева приводит как пример слово «аплодисменты», которому соответствуют в казахском языке «қол шапалақтау» [Еркибаева, 2014, 169-173].

Лексеме русского языка «завтрак» в казахском языке соответствуют «таңертеңгі тамақ». Русскому слову «обувь» в казахском языке соответствует перифраз «аяқ киім, что может вызвать в речи билингва ошибку — одежда для ног» [Копыленко, 1980, 74]. Так фразу «много воды в тексте» ученик может воспринять в прямом смысле и связать со словом су.

Остановимся на некоторых особенностях поведения подобных соответствий:

1. балық аулау
2. дауыс беру
3. түс көру

4. көзден айыру
5. қол қою
1. рыбачить 1. ловить рыбу
2. голосовать 2. отдать голос
3. сниться 3. видеть сон
4. ослепить 4. лишить голос
5. подписать 5. ставить подпись

Как видим, приведенные словосочетания казахского языка имеют не только универбальные, но и перифрастические соответствия в русском языке. Это может стать для говорящего облегчением задачи, так как даже производя речь с оглядкой на родной язык, он не допустит никаких ошибок.

К примеру, предложение «Бос уақытта балық аулау – біздің сүйікті ісіміз» билингв на русский язык переведет совершенно верно: «Ловить рыбу в свободное время – наше любимое занятие».

Однако стоит понимать, что подобных случаев очень мало и в основном опора на родной язык приводит к грамматическим ошибкам.

Например:

1. аплодировать
2. благодарить
3. дышать
4. замолчать
5. курить
6. любить
7. молотить
8. щедрый
9. обувь
1. қол шапалақтау 1. *хлопать руками
2. рахмет айту 2. *сказать благодарность
3. дем алу 3. *брать дыхание
4. үнсіз қалу 4. *остаться без звука
5. темекі тарту 5. *тянуть табак
6. жақсы көру 6. *хорошо видеть
7. астық соғу 7. *бить зерно
8. қолы ашық 8. *открытая рука
9. аяқ киім 9. *одежда для ног

Также существуют специальные формы при обращении к другому человеку, которые могут использоваться как в значении пренебрежения, так и уважения и умещают в себе достаточно широкий смысл:

«Адалсынбаңызшы – Не притворяйтесь, пожалуйста, честным и справедливым».

«Азсынбаңызшы – Не посчитайте, пожалуйста, что этого мало».

«Сұранбақысыз – Вы хотите отпроситься?».

Яркое проявление интерференции наблюдается при использовании в речи идиом или фразеологизмов. Идиому «егіз қозыдай» учащийся без размышлений переведет как «ягнята-близнецы», что является ошибкой. В русском языке это всем знакомый фразеологизм «как две капли воды». Если ученику представится необходимость выразить добрые пожелания, ему в

голову придут типичные для казахского языка устойчивые выражения на этот случай – «ашық аспан и ақ жол». В переводе – это «открытое небо и белая дорога». Как видим, в русском языке нужно искать не дословный перевод, а пытаться найти аналоги: «счастливого пути, в добрый путь, желаем удачи, ни пуха, ни пера».

Рассмотрим некоторые фразеологизмы, связанные с человеческими эмоциями, и сопоставим в русском и казахском:

ГНЕВ – «*рвать и метать*», «*заводиться с пол-оборота*», «*с резьбы сорваться*», «*выйти из себя*»; «*каны қайнау*», «*каны қарау*».

СМЕХ – «*животики надорвать*», «*скалить зубы*», «*лежать в лежку*», «*смешинка в рот попала*»; «*езу жимау*», «*езу тарту*».

РАДОСТЬ – «*прыгать до потолка*», «*на седьмом небе*», «*именины сердца*», «*маслом по сердцу*»; «*куанышы қойнына сыймады*», «*екі езуі екі құлағына жету*».

СТРАХ – «*душа в пятки ушла*», «*дрожмя дрожать*», «*слаб в коленках*», «*мороз по коже*», «*поджилки трясутся*»; «*үрейі ұшу*», «*зәресі ұшу*».

Как мы видим, чтобы ориентироваться во фразеологизмах, билингву придется прибегнуть к словарям, так как нет никаких схожестей с родным языком.

Также трудностью представляют некоторые слова, которые, казалось бы, регулярно используются в родном языке и никак не переводятся на изучаемый или имеют примерный перевод. Конструкции «*тұр, жүр, жатыр*» являются вспомогательными в казахском языке и как правило никакого дополнительного смысла не несут, соответственно в русском языке их попросту не встретить.

Слова, идентичные по своему словарному значению, почти всегда различаются значениями контекстными.

ЖАЖДА, -ы, ж. 1. Потребность, желание пить. Сильная ж. Утолить жажду. 2. перен., чего и с неопр. Сильное, страстное желание чего-н. (высок.). Жажда счастья. Жажда знаний. Жажда учиться.

На казахский язык данное слово переводится, как «*шөлдеу*», что может значить только «жажда от воды». То есть для казахского языка актуально только одно значение из словарной статьи т.к. в значениях «жажда счастья, знаний, учиться» в казахском языке используется совершенно другое слово.

МОРЕ, -я, мн. -я, -ей, ср. 1. Часть океана – большое водное пространство с горько-соленой водой. Плыть морем. 2. перен; кого-чего. Большое количество кого-чего-н. (высок.). М огней. М. слов. М. людей.

Слово «море», которое соответствует казахскому «*теңіз*», используется только в прямом значении. В русском же языке мы находим еще одно, означающее большее количество чего-либо. В казахском же языке отсутствующее можно заменить специфичной для казахского языка формой «*қаптап жүр*», которое при прямом переводе представляется как «в мешках». В сознании казахоговорящих именно мешки ассоциируются с большим количеством.

ҚАСҚЫР – волк. Но предложение "Бұл қасқыр кісі" нельзя переводить как «Этот человек – волк».

Для преодоления интерференции в таких случаях помогают толковые и двуязычные словари.

Рассмотрим, как представлена идиоматичность в антонимах казахского и русского языков: «На казахском языке слово ҚУАНУ имеет несколько антонимичных пар: куану – жылау

(радоваться – плакать); куану – кею (радоваться – огорчаться); куану – қайғыру (радоваться – скорбеть); куану – қорқу (радоваться – бояться)» [Г.Г.Еркибаева 2014, с.175-176].

В русском языке перевод этого слова представлен антонимами:

«Радоваться – огорчаться»; «радоваться – печалиться»; «радоваться – грустить»; «радоваться – скорбеть». Как мы видим, слово «радоваться» не может на русском языке иметь антоним «бояться». Это еще раз показывает, что не все слова можно буквально перевести на другой язык. Это обусловлено тем, что каждому языку свойственно свое семантическое строение. Это значит, что каждый язык по-своему «избирает» те аспекты или характеристики реально различающихся предметов, явлений, процессов, которые их семантически объединяют и позволяют обозначить одним.

Так, слово «наука» имеет антоним «невежество», в казахском же языке эта пара переводится так:

«Наука – ғылым»; «невежество – білімсіздік, тәрбиесіздік, көргенсіздік, мәдениетсіздік». И только в одном значении «ғылым – білімсіздік» эти слова могут быть антонимами [Еркибаева, 2014, 175-176].

Лексическая интерференция может проявляться и в социокультурных различиях между языками. Нередки случаи, когда ученик не может найти соответствующее слово в изучаемом языке, смысл которого регулярно использует в родном. Очень популярное слово носителей казахского языка «бәсе». не имеет точных соответствий в русском языке. Это одно слово уместило в себе большую русскую фразу «так вот оно что, а я-то думал». Или есть даже второй вариант перевода «так вот оно что, я так и думал». Одно слово передает эти две фразы различием интонации. Показателен пример и со словом «ерке», смысл которого достаточно сложно передать на русском языке. Оно значит что-то вроде «избалованный». Однако в русском языке данное слово имеет отрицательную коннотацию, в то время как в казахском используется в положительном смысле. Похожая ситуация со словом «өзінше», что в неточном переводе звучит как «высокомерная» или «вся из себя», но не имеет столь отрицательного значения.

Хоть и учащимся советуют пользоваться словарями для обучения и избавления от интерференции, мы теперь понимаем, что даже их использование может привести к этому явлению. Поэтому очень важно сравнивать семантику и толкования в словарях обоих языков.

Заключение

Опыт обучения русскому языку показывает, что легче всего усваивается лексика, совпадающая в объеме значений с лексикой родного языка. Однако в связи с этим ученики сталкиваются с такой проблемой, как многозначность слов, омонимия, синонимия, полисемия, социокультурные различия.

При изучении данной темы нельзя не упомянуть социокультурные факторы, которые порождают за собой лакуны, которые и приводят к неточностям при изучении языка народа с другой картиной мира. Лакуны являются единицами, отражающими национально-культурное своеобразие определенного народа. Они аккумулируют в себе его этнические особенности, порой непривычные представителям другого народа, что может быть отражено в языке.

Библиография

1. Байгут Д.Н., Байгут А.М. Лакуны в казахской языковой культуре: специфика семейно-родственных отношений // Наука и мир. 2014. № 7 (11). С. 45-47.

2. Еркибаева Г.Г. Взаимосвязанное использование словарей казахского и русского языков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 10-3. С. 169-173.
3. Копыленко М.М. Оптимизация преподавания русского языка в казахской аудитории. Алма-Ата: Наука, 1980. 78 с.
4. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 2010. 214 с.
5. Эртельт-Фит А., Денисова-Шмидт Е. Лакуны и их классификационная сетка // Вопросы психолингвистики. 2007. Т. 6. С. 39-51.

Lacunas: philosophy of linguistic culture

Aina S. Kabylova

Doctor of Philosophy, Professor,
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
010000, 2, Satpayeva str., Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan;
e-mail: kabyl72@mail.ru

Aidana T. Rysbek

Graduate Student,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: kabyl72@mail.ru

Abstract

This study is devoted to identifying and specifying gaps. The source of lacunas is semantic differences revealed in the course of communication between representatives of different cultures, pictures of the world, worldviews, values. Lacunas are a concomitant factor in the process of cultural identification and its downside. By analyzing the national-cultural semantics of linguistic units, one can obtain information about the history of the development of an ethnos, about the customs, traditions, views, tastes and mentality characteristic of the representatives of this linguistic community. The experience of teaching the Russian language shows that it is easiest to learn the vocabulary that coincides in the volume of meanings with the vocabulary of the native language. However, in this regard, students are faced with such a problem as the ambiguity of words, homonymy, synonymy, polysemy, sociocultural differences. When studying this topic, one cannot fail to mention the socio-cultural factors that give rise to gaps, which lead to inaccuracies in the study of the language of the people with a different picture of the world. Lacunas are units that reflect the national and cultural identity of a particular people. They accumulate in themselves its ethnic characteristics, sometimes unusual for representatives of another people, which can be reflected in the language.

For citation

Kabylova A.I., Rysbek A.T. (2021) Lakuny: filosofiya yazykovoi kul'tury [Lacunas: philosophy of linguistic culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (4A), pp. 164-175. DOI: 10.34670/AR.2021.73.59.024

Keywords

Lacuna, contact of languages, Kazakh traditions, Russian language, differentiation of names, semantic differences.

References

1. Baigut D.N., Baigut A.M. (2014) Lakuny v kazakhskoi yazykovoi kul'ture: spetsifika semeino-rodstvennykh otnoshenii [Lacunas in the Kazakh language culture: the specificity of family-related relations]. *Nauka i mir* [Science and World], 7 (11), pp. 45-47.
2. Erkibaeva G.G. (2014) Vzaimosvyazannoe ispol'zovanie slovarei kazakhskogo i russkogo yazykov [Interrelated use of Kazakh and Russian dictionaries]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research], 10-3, pp. 169-173.
3. Ertel't-Fit A., Denisova-Shmidt E. (2007) Lakuny i ikh klassifikatsionnaya setka [Lacunas and their classification grid]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 6, pp. 39-51.
4. Kopylenko M.M. (1980) *Optimizatsiya prepodavaniya russkogo yazyka v kazakhskoi auditoria* [Optimization of teaching Russian in the Kazakh audience]. Alma-Ata: Nauka Publ.
5. Leont'ev A.A. (2010) *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Language, speech, speech activity]. Moscow.